

Она полностью обнажена. Просто и безо всякого превознесения красоты своего тела, показушности, или наоборот неестественной стыдливой скованности, стоит посреди комнаты, опустив руки «по швам», и её босые ступни утопают в ворсе мягкого огромного ковра. Отец привёз его три года назад из... из... Как же бешено сердце колотится!... Её влажные после душа волосы растрепались, беспорядочным покрывалом расстелились по спине, и — я точно знаю — с их кончиков стекают по горячей коже холодные крупные капли воды.

Мы смотрим друг на друга, конечно же, как два идиота. Вся разница только в том, что я — идиот одетый, а она — идиот голый.

Внезапно тишина разрывается, и часть моего сознания возвращается из поднебесья.

— Я не слышала, как ты пришёл. Может, всё-таки выйдешь... — произносит она, улыбаясь одновременно смущённо и хитро.

Да, ей несомненно нравится моё лицо. Ещё бы! — взгляд быстро перемещается ниже на кустик тёмных курчавых волосков, потом чуть поднимается — прощально пробегает по обнажённой невыносимо прекрасной груди, шее, возвращается к глубоким зелёным глазам и стыдливо тонет в ворсе ковра где-то посередине между нами, а лицо... Целая гамма эмоций. Смущение, радость и огорчение одновременно. Губы упорно не хотят разлипаться. В горле как всегда предательски пересохло.

— И-извини, я не х-хотел... не знал что ты... не одета, — мямлю я, не отрывая взгляд от пола. В голове от своей же речи несутся оскорбления. «Что это со мной? Ведь никогда не заикался! Надо... взять себя в руки. Просто голая девчо... девушка. Тем более сестра. Ты на неё не смотришь вот уже... — Считаю секунды. Их мало. Всего четыре. — Просто не смотришь! Собрался?» Киваю самому себе. «Ну, давай...»

Поднимаю голову и вновь невольно пробегаю взглядом по прекрасному обнажённому телу. Силой заставляю себя взглянуть на её лицо. Улыбается. Глаза лукавые, но щёки от стыда окрасились в пунцовый цвет.

— Ну, блин, Костя! Быстро выйди, скотина! — вдруг произносит она, и в полсекунды оказывается на диване, одновременно закрываясь покрывалом и хватая лежащую на спинке подушку. Бросок...

Трёхочковый! Наконец-то возвращаюсь из-под облаков на землю. На лице автоматически возникает улыбка. Сестра в это время смеётся и, придерживая одной рукой покрывало, другой уже тянется за второй подушкой...

— Всё, всё! Уже ухожу! — кричу я, и в тот момент, когда столкновение моего лица с плюшевым снарядом становится почти неизбежным, ныряю в коридор. Потом, подумав, осторожно не высовываясь, закидываю подушки обратно в комнату.

Жду.

Через несколько секунд в дверном проёме показывается голова сестры. Увидев меня, прислонившегося плечом к дверному косяку, голова смеётся и показывает язык. Грожу ей пальцем. Скорчив ещё одну рожицу, голова исчезает за закрытой дверью и на ажурном непрозрачном стекле, возникает неподвижная тень, от которой внезапно отделяется и падает оболочка. Словно сестра стоит возле двери, не двигаясь, и прислушивается... Словно она знает, что я сейчас так же неподвижно стою напротив, и смотрю на силуэт её обнажённого

грациозного тела.

Словно хочет, что бы я вошёл...

Подношу ладонь к двери. Она не заперта, нужно только толкнуть. Но вместо этого я зачем-то провожу рукой по прохладному стеклу, и тихо шепчу:

— Я тебя люблю...

Почему-то мне кажется, что из-за двери доносится: «Я тоже...»